

Игрушечная рыбка да пакет с вяленным мясом, завернутые в ткань, — вот и вся ноша, притороченная к спине котёнка.

Евнух Ван поспешно принялся распутывать узелок на Пэй Мяо, приговаривая:

— Ткань-то знакомая. Где же я её видел? Ах, точно! Когда служил в Дворце Чансинь, видел, как Второй принц носил нижнюю рубашку из неё. Сяо Доуцзы говорил, это парча Яньло, высший сорт, подношение ко двору. И вот Второй принц упаковывает в неё вещи для вас...

С этими словами он положил свёрток на низкий ларец, обернулся и наконец заметил бант-бабочку на шее Пэй Мяо. Нежный голубой цвет изящно оттенял белоснежную шёрстку. При мысли о Втором принце в лунно-белой рубашке, держащем на руках Господина Наставника с точно таким же бантом на шее, у Евнуха Вана мелькнула странная догадка — словно они надели что-то парное.

Э... Наверное, это ему просто показалось.

Евнух Ван изо всех сил старался отогнать крамольные мысли, но разум, свернув на кривую дорожку, уже не желал возвращаться на путь истинный.

Его хозяин тайно встречался с Вторым принцем глубокой ночью, вернулся с подарками, да ещё и с бантом на шее, в тон рубашке принца... Неужели это своего рода метка?

При этой мысли Евнух Ван содрогнулся. Он готов был заплакать, глядя на своего беспечного хозяина, который тем временем самозабвенно ласкал лапкой новый бантик. Так и хотелось боднуть головой о стену.

Хозяин, родной, да ты же не понимаешь, что на тебе уже поставили клеймо! Говорят, взял — обязан, съел — связался. Ты и взял, и съел, а чем потом отдавать-то будешь?

В Дворце Цяньцин Теневой страж И, доложив о событиях ночи, замер в почтительной позе у стены, не смея поднять глаз.

Император Цинлун восседал на троне. Лицо его было спокойно, но взгляд — тёмн и нечитаем. Помолчав, он отмахнулся рукой:

— Всё ясно. Можешь идти.

— Слушаюсь. — Теневой страж И отступил на шаг, склонился в поклоне и удалился.

Дверь закрылась беззвучно, и в покоях вновь воцарилась тишина, словно никто и не приходил.

Свет свечей колебался, отбрасывая на лицо Императора резкие тени. Брови его были слегка сведены, черты заострились.

Евнух Фу накинул на плечи Императора плащ и мягко промолвил:

— Ваше Величество, ночь глубока, роса оседает. Вам следует отдохнуть, побережь драконье здоровье.

— Знаю, — вздохнул Император глухо. — Просто не могу отогнать мысли о Яне и Господине Наставнике. Вдруг они... что тогда делать?

— Ваше Величество...

— Фу Лай, ты же знаешь, я намерен сделать Яня наследником. Столько лет я его растил и учил. Дружба с Господином Наставником мне только на руку. Но то, что случилось сегодня... это уже чересчур. Они, они... — Император запнулся, сделав выразительный жест, — они явно друг другу приглянулись, раз уж встречаются по ночам. И Ян не просто так старается Господину Наставнику угодить. Будь он не моим избранником, я бы не беспокоился, но ведь... Эх, завет предков нарушить не посмею.

Император ударил кулаком по столу, и на лице его отразились досада и бессилие. Гу Цяня он любил по-настоящему, а Господина Наставника — глубоко чтит. Оба были ему как родные, никого обидеть он не желал.

Евнух Фу налил чашку горячего чая и вложил её в руку Императору, успокаивающим тоном заметив:

— Ваше Величество, не терзайте себя понапрасну, глядя в будущее. На мой взгляд, Второй принц просто искренне привязан к Господину Наставнику, без иного умысла. Взгляните — во всей стране разве найдётся человек, который не любит Господина Наставника? Даже я, грешный, мечтаю пригреть его у себя в Дворце Цяньцин, да только духу не хватает. Даже если между ними и проскочит искра, в завете предков ведь есть исключение. Тогда всё и разрешится к общему удовольствию.

Лицо Императора немного просветлело. Он даже усмехнулся, вспомнив что-то, но следом вздохнул:

— Дай-то бог, чтобы ты оказался прав. Но исключение то — большая редкость. За восемьсот с лишним лет существования Великой Юй был лишь один такой случай. С него-то и пошёл обычай браков между правящим домом и Господином Наставником. Но трон и Господин Наставник — вещи несовместные. Раньше казалось, это мудрое правило для равновесия в государстве, а теперь вот голова болит.

Евнух Фу не стал развивать щекотливую тему, лишь почтительно стоял в стороне с улыбкой на лице, параллельно размышляя, как бы проучить своего слишком уж предприимчивого приёмного сына.

Евнух Ван, о котором в тот момент думал его названный отец, громко чихнул. Проходивший мимо младший евнух озабоченно посмотрел на него:

— Евнух Ван, вы нездоровы? С утра я уже несколько раз слышал, как вы чихаете. Может, отдохнёте? Я присмотрю за хозяином.

Евнух Ван, не отрываясь от своего занятия, потер нос и проворчал:

— Ничего, просто ночью просквозило. Горячей воды попою — и пройдёт. Кстати, сегодня Императорский лекарь Хуа пожалует на осмотр к хозяину. Ступай встретить его у ворот и проводи сюда.

— Слушаюсь! — Младший евнух кивнул и пустился бежать к входу. Вскоре он увидел приближающегося Императорского лекаря Хуа с походным ларцом за спиной.

Лекарю было лет сорок, он носил аккуратную козлиную бородку, был строен и белолиц, что делало его моложе своих лет. Широкие рукава и длинные полы халата придавали ему вид учёного мужа.

Едва завидев его, младший евнух поспешил навстречу:

— Господин Хуа, Евнух Ван велел мне встретить вас. Наш хозяин ожидает в цветочном павильоне. Прошу, следуйте за мной.

Императорский лекарь Хуа вежливо кивнул в ответ, улыбаясь:

— Благодарю, юный господин. Прошу указать путь.

Младший евнух, смущённо бормоча что-то вроде «не сто́ит благодарности», проводил лекаря внутрь.

В цветочном павильоне Чертога Юннин Пэй Мяо в это время увлечённо глодал свою игрушечную рыбку, крепко обхватив её передними лапами, словно дитя, прижимающее к себе куклу. Длинный хвост его волнительно шлёпал по подушке, щекоча душу всякому, кто на это смотрел.

Евнух Ван, вымыв руки, приблизился к Пэй Мяо и тихо доложил:

— Хозяин, Императорский лекарь Хуа прибыл.

— !!!

Лапы Пэй Мяо, сжимавшие рыбку, одеревенели. Его морда, искажённая в момент укуса, застыла.

Во всём Императорском дворце Великой Юй он не боялся никого, кроме Императорского лекаря Хуа. Без малейшего преувеличения — все кошачьи невзгоды в его жизни исходили от этого человека.

Внешность обманчива: за учёной наружностью скрывался изошрённый мучитель кошек. То он заставит кухню готовить питательную похлёбку, что пахнет непотребно, то вольёт в глотку горькое зелье, от которого во рту пена выступает, то возьмёт да уколет иглой без всякого предупреждения. Зверства, одно другого ужаснее!

Пэй Мяо поджал задние лапы, готовясь к бегству, но не успел и шевельнуться, как в нос ударил знакомый горьковато-травяной запах, а вслед за ним послышались шаги.

Когда в поле зрения мелькнула знакомая белая пола халата, Пэй Мяо окончательно окаменел. Глаза его стали круглыми от ужаса, уши прижались к голове, превратившись в «самолётики», а лапы в панике сжали его глупую рыбку ещё крепче.

— Господин Наставник, снова имеем честь видеться, — Императорский лекарь Хуа приподнял уголок губ в полуулыбке, глядя на котёнка, развалившегося на оттоманке.

Пэй Мяо: «...!!!» На помощь! Опять этот злодей повадился губить вашего покорного слугу!

Императорский лекарь Хуа был прожжённым специалистом. За двадцать лет службы на опасном поприще придворного лекаря он научился не только лечить недуги, но и читать мысли. Пэй Мяо с его отрицательным актёрским талантом был для него открытой книгой. Стоило тому лишь подёргать хвостом, и лекарь уже знал, что у него на уме.

— Господин Наставник, как продвигается приём желудочного снадобья, что я прописывал в прошлый раз? — Императорский лекарь Хуа добродушно ухмыльнулся, поставил свой ларец и

придвинул стул поближе к оттоманке. Запах лекарственных трав, исходивший от его широких рукавов, заставил шерсть Пэй Мяо встать дыбом. Тот сжался в комочек, словно перепуганный перепелёнок.

Евнух Ван с сочувствием взглянул на своего хозяина и почтительно ответил:

— Господин Хуа, хозяин принимал лекарство дважды, но оно... весьма горькое. Хозяину не по праву.

— Горькое — значит, правильное, — с видом просвещённого наставника начал свои наставления Императорский лекарь Хуа. — Как гласит мудрость: «Лекарство горько — болезнь уйдёт». Не будь оно горьким, как же вы урок усвоите? Господин Наставник ещё юн, пищеварение у него нежное. Переест — несварение схватит, а там, глядишь, и до жидкого стула дело дойдёт. А вы не смотрите, что жидкий стул — пустяк. В запущенном случае может и до смерти кошачьей довести.

<http://bllate.org/book/16288/1467781>